

УДК 821.161.1

Витчак П.

ГОРОД МЕРТВЫХ И МЕРТВЫЙ ГОРОД. Кладбище и тема смерти в прозе Михаила Арцыбашева

Аннотация. В художественном мире Арцыбашева тема смерти – одна из ключевых. Ее раскрытие связано для писателя с десакрализацией кладбища как пограничного между сакральными и профанными сферами пространства. Помимо этого, в прозе писателя локус кладбища снимает противопоставление реального и ирреального. С другой стороны – черты некрополя в значительной степени определяют и лик провинциального города, описанного Арцыбашевым. Таким образом, поэтика писателя сигнализирует тотальность локуса кладбища, «подминающего» и *sacrum*, и *profanum*, и реальное, и нереальное, и живое, и мертвое.

Ключевые слова: Михаил Петрович Арцыбашев, кладбище, смерть, *sacrum*, *profanum*.

«Певец смерти» – одним этим определением можно охарактеризовать личность и прозу Михаила Арцыбашева, ибо нет в творчестве этого писателя произведения, не касающегося танатологических мотивов. Одним из наиболее емких funerальных символов в прозе Арцыбашева является кладбище, которое, как место погребения мертвых и пребывания душ усопших, относится в традиционной культуре к сфере *sacrum* и противопоставляется миру живых – *profanum*. Однако стоит отметить, что, по мнению М.Элиаде, только для верующих людей, воспринимающих действительность как соединение двух плоскостей: реальной (*profanum*) и иррациональной (*sacrum*), пространство не имеет однородного характера [6. с. 17]. Иначе говоря, homo religious придает бытовым элементам окружающей его действительности дополнительные значения. Таким образом, для этого типа сознания кладбище становится местом освященным, святилищем, позволяющим приблизиться к Богу. Ворота кладбища являются границей двух миров: мирского и религиозного.

Проза Арцыбашева, не актуализируя такой сакральной семантики, окончательно с ней не порывает, а обнаруживает словно бы переходную ступень в восприятии и смерти, и

кладбищенского локуса. Герой, потеряв живое религиозное чувство, в момент экзистенциального кризиса начинает бояться всего, что так или иначе связано со смертью – и, в первую очередь, кладбища. Смерть в произведениях Арцыбашева превращается в обыденность, а глубинная память о сакральном характере смерти реализуется лишь в суеверном, часто неосознанном страхе, в значительной степени животном. Так, например, о кладбище думают неизлечимо больные. Больному туберкулезом Семенову – герою «Санина»: «<...> вид похорон, кладбища, гроба напоминали <...>, что все-таки он умирает. И он избегал этих напоминаний, перестав даже ходить по тем улицам, которые вели к кладбищу, и никогда не ложась спать на спине со сложенными на груди руками» [2. с. 77].

Арцыбашев, оправдывая мнение о себе, как мятежнике русской литературы начала XX в [7. с. 128], подвергает кладбище десакрализации, отчасти продолжая тему, которую начал А. Пушкин в своем «Гробовщике». Напомним, что пушкинский гробовщик Прохоров не понимает духовной сути своей профессии, связанной с величайшей тайной бытия, т.е. со смертью. Гробовщик, как и священник, обязательная фигура в скорбном ритуале похорон, однако Прохоров считает себя ремесленником, и покойники – лишь источник его дохода [4. с. 378-379].

Подчинение, но не окончательное, священного профанному в контексте образа кладбища наиболее четко выразилось в арцыбашевской повести «Из дневника одного покойника», построенной по принципу сходства с рассказом Ф. Достоевского «Бобок», к которому автор добавил подзаголовок «Записки одного лица». Действие обоих произведений происходит на кладбище, а действующими лицами представляются покойники. Однако, если у Достоевского герой-рассказчик еще жив, то в произведении Арцыбашева повествователь уже мертвец.

Покойник Арцыбашева – это самоубийца, застрелившийся из-за несчастной любви, он рассказывает о своей минувшей жизни и загробном существовании. Герой-повествователь, оставаясь еще в земной жизни, прослыл атеистом, но крохотная надежда на бессмертие у него была. Однако, как вытекает из повести, загробная жизнь значительно отличается от представлений верующих христиан. Как будто в насмешку, рассказчик констатирует: «<...> ни рая, ни ада, ни какой-нибудь там нирваны <...> здесь не оказалось... Вероятно, это где-нибудь в другом месте... Думаю, что непременно в другом, потому что не зря же столько почтенных и даже весьма достойных людей говорили, что это где-то есть... Было бы очень странно и даже неприлично усомниться... Да, это вероятно, в другом месте!.. А в могиле ничего этого нет» [1. с. 614].

Кладбище здесь, приобретая сюрреалистическую семантику, становится хронотопом, снимающим противопоставление реального и нереального. Героя арцыбашевского текста ничто не удивляет, он словно бы с одного, верхнего, этажа спустился на нижний, совершил вполне привычное действие. Но при этом в его сознании осталась память о том, что на земле он слышал о таинственности загробного существования. Характер повествования дает возможность

усомниться в актуальности для Арцыбашева и его героя сакрального плана кладбища. Во всяком случае – сакральное не здесь, а? как говорит герой, искать его надо в другом месте.

На страницах своего краткого произведения Арцыбашев, иронизируя, рассуждает о жизни после смерти и приходит к выводу, что она безнадежна. Повествователь как бы назло христианским учениям «не увидел в величественном акте разложения никакой мистической сущности» [1. с. 616]. Загробная или, точнее говоря, гробная жизнь в арцыбашевской повести ограничивается тьмой, одиночеством, скукой, сыростью. Автор словами своего героя кощунственно заявляет, что независимо от того, как мы поступаем в жизни, всех нас ждет то же самое – черви и тлен [1]. В конце произведения голос повествователя сменяется голосом автора. Арцыбашев завершает свое произведение следующими словами: «От автора: Нет, я не могу продолжать в этом тоне!.. Он издевается, он явно издевается над всем, что у нас есть самого святого и дорогого!» [1. с. 625].

В других произведениях Арцыбашева семантика кладбища не только не меняется, а подвергается еще более резкой десакрализации. В романе «У последней черты» перед глазами читателя возникает сцена полового акта, совершаемого на гробовой плите. Арбузов – герой арцыбашевского произведения – рассказывает: «Так я ночью с нею пришел на кладбище и на его могиле... там была большая мраморная плита с горькой надписью... долго мучил ее, на все лады... на холодной, мраморной плите горячее голое тело... <...> И особенное то и было, что вот тут, под нами, лежит мертвец и гниет, а я развратничаю, что ни час гаже, грязнее!.. Она плакала, боялась могилы... религиозная была... а я от этого еще больше в зверство входил. Даже и теперь дрожь берет, когда вспоминаю эту ночь, голое розовое тело на белой холодной плите...» [1. с. 126].

Это почти натуралистическое описание указывает на деградацию funerальных символов, которая была характерна для России рубежа XIX и XX вв. В этом случае кладбище не только теряет свой сакральный характер, но даже приобретает окраску сексуального стимула, фетиша. Помимо этого, кладбище здесь, в этой сцене, соединяет и одновременно разрушает, десакрализует два явления человеческой жизни, которые культура традиционно воспринимала как нечто таинственное и до конца непознаваемое: таинство любви и зарождения новой жизни – и таинство смерти. Арцыбашев словно бы возвращает человека в биологический круговорот природы: тело истлевает и дает пищу новому телу – и ничего в этом нет таинственного.

Автор скандального романа «Санин» специализировался в конструировании «мира не для жизни», в создании пространства, чуждого человеку. Писатель, который приходит к выводу, что человеческая экзистенция лишена смысла, на страницах своих произведений создает образы мира, жизнь в котором является невозможной, и одновременно помещает своих героев в безвыходные и безысходные ситуации. Кладбище – самый удобный для этого локус, не просто неудобное для жизни место, а удобное для не-жизни, для жизни мертвых. Сказанное, на наш взгляд, дает возможность писателю еще раз подчеркнуть абсурдность и бессмысленность бытия.

По мнению польского писателя С.Хвина, это делается для того, чтобы «рационализировать» свои раздерганные эмоции и усилить в себе «танатологическое желание», а также придать этому желанию осуществляющуюся силу [5. с. 346].

Как известно, Арцыбашев предпочитал создавать картины русского захолустья, а не столичной жизни. Русская провинция начала XX в, в восприятии писателя, является примером «мира не для жизни» и превращается в своеобразный некрополь, в котором поселены живые мертвецы. Арцыбашев нередко использует метафору кладбища для описания созданного им пространства. В повести «Человеческая волна» читаем: «Вокруг был обширный пустой огород, и ряды черных, чуть тронутых зелеными всходами гряд лежали неподвижно и пустынно, как на кладбище»; «Хотя и по ту и по другую сторону была одна и та же улица, но почему-то здесь казалось <...> пустее и жутко, как на кладбище» [2. с. 556, 561]. Кроме того, Арцыбашев часто пользуется эпитетом «мертвый» как для характеристики пространства (напр. «мертвая земля», «мертвое спокойствие» [1. с. 325, 339.], «мертво зеленели листья», «мертвые снежные поля», «мертвый путь», «мертвая столовая» [1. с. 171, 233]), так и его жителей (напр. «помертвелые глаза», «мертвая голова», «мертвые ноги» [1. с. 317, 322, 339], «мертвая грусть», «мертво улыбающееся лицо», «мертвая душа», «мертвая тоска», «мертвые пальцы», «мертвое чувство» [1. с. 171, 194, 237, 240, 249, 252]). Хорошей иллюстрацией к вышесказанному является пейзаж провинциального города, описанного в уже упомянутом нами романе «У последней черты». Арцыбашев начинает свое произведение следующими словами: «Маленький городок был расположен в степи, и тому, кто, выйдя за околицу, вглядывался в марево дальних полей, в призраки отдаленных лесов, ползущих по горизонту, и в высокое бесстрастное небо, становилось ясно, что ничтожность кучки людей, живущих, страдающих и умирающих на земле, не красивая трагическая фраза, а простая и даже скудная правда. Летом горячее солнце стояло над степью, зимой она одевалась холодным белым саваном, в жаркие ночи над нею вставали горы туч, и гром торжествующе прокатывался из конца в конец черного простора, но всегда она была одинаково уныла, загадочна и чужда человеку» [1. с. 7].

Многие русские писатели рубежа XIX и XX столетий создали широкую панораму провинциальной жизни, которую рассматривали с противоположных точек зрения, т. е. или идеализировали провинцию, или изображали ее в обличительном ключе [3. с. 38]. Вышеприведенная цитата показывает, что Арцыбашева мы можем отнести ко второй группе писателей. Как правило, созданные им города русского захолустья приобретают универсальные черты, к которым можно причислить: косность жизни, скуку, безмолвие, сонность, слякоть. Жизнь в провинции воспринимается его героями как своеобразное наказание, которое нередко приводит к насильственной и сознательной смерти. Таким образом, получается, что смерть в душах и телах этих людей живет постоянно, они начинены смертью. Это словно бы другой вид кладбища, который отличается от обычного лишь только тем, что на этом некрополе люди еще не потеряли способность двигаться и физически функционировать. Арцыбашеву важно показать не просто смерть, а сознательно выбранную героями смерть – самоубийство. Причем и она лишена

возвышенных характеристик. Бессмысленно жить – бессмысленно умирать, поменять одно кладбище на другое.

Своего рода итог Арцыбашевских взглядов, касающихся темы смерти и кладбища, мы находим в публицистическом цикле автора, который вышел под заглавием «Записки писателя». В публицистике Арцыбашев опять возвращается к пониманию земной жизни как кладбища. На страницах Записок Арцыбашев констатировал: «Мне только тридцать лет, а когда я оглядываюсь назад, мне кажется, будто шел я по какому-то кладбищу и ничего не видел, кроме могил и крестов. <...> Скверно то, что смерть страшна, и, пожалуй, как и не решишься собственноручно отправить себя к черту; <...> долго идти по этому кладбищу, которое называют жизнью, и мимо, бесконечно вырастая, все будут мелькать новые кресты. Все дорогое, все милое останется позади, и добредешь до конца один, как перст» [1. с. 680].

В этих словах заключается целая философия жизни Арцыбашева, навеянная взглядами модного тогда А.Шопенгауэра. В созданных автором героях мы можем найти отражение самого писателя, отмеченного пятном жизнененавистности. В произведениях Арцыбашева, как в зеркале, изображается человек начала XX в. – «ходящий мертвец», как Арцыбашева называл его друг Агафонов [1. с. 763.].

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Арцыбашев М.П.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. – М.: Терра, 1994. – 780 с.

[2] *Арцыбашев М.П.* Санин. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с.

[3] *Белняк Н.* Провинциальная жизнь рубежа XIX и XX веков сквозь призму творчества Александра Куприна // *Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze.* – 2013. – Т. 23. – С. 38-47.

[4] *Есипов В.* Пушкин в зеркале мифов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.

[5] *Chwin S.* Samobójstwo jako doswiadczenie wyobrazni. – Gdansk: Tytul, 2010. – 560 с.

[6] *Eliade M.* Sacrum a profanum: O istocie religijnej / пер. В.Баран. – Warszawa: Aletheia, 2008. – 268 с.

[7] *Krzyzowska-Protasienia G.* Michail Arcybaszew w ocenie rosyjskiej krytyki literackiej 1901-1992 // *Slavica Wratislaviensia.* – 1994, – т. LXXXI, – с. 67-87.

© Витчак П., 2015.

Статья предоставлена в редакцию 25.05.2015.

Витчак Патрик,

аспирант, кафедра Русской литературы и культуры,
Университет Казимира Великого в Быдгоще (Польша),
e-mail: witzakptrk@wp.pl

Witczak P.

CITY OF THE DEAD AND THE DEAD CITY. THE CEMETERY AND THE THEME OF DEATH IN PROSE

BY MICHAEL ARTSYBASHEV

Abstract. In the art world of Artsybashev the theme of death is one of the key topics. For the writer its disclosure is related to the desacralization of cemetery as the boundary between the sacred and profane realms of space. In addition, in the writer's prose the locus "cemetery" removes the opposition of real and unreal. On the other hand - the necropolis features largely determine the face of a provincial town, described by Artsybashev. Thus, the poetics of the writer signalizes the totality of the locus of the cemetery, «crushes» sacrum and profanum, the real and the unreal, the living and the dead.

Key words: Michael P. Artsybashev, cemetery, death, sacrum, profanum.

Witczak Patrik,

University of Casimir the Great (Bydgoszcz, Poland),
e-mail: witzakptrk@wp.pl.